

ПРЕДМЕТНОСТЬ И ЕГО СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ОГУЗСКОЙ ГРУППЫ

OBJECTIVITY AND ITS MEANS OF EXPRESSION IN THE TURKIC LANGUAGES OF THE OGUZ GROUP

G. Jabrayilov

Summary. The article discusses the concept of objectivity on logic, philosophy and language. The concepts of objectivity have different aspects and are defined differently in relation to the spheres of human activity. Investigating the means of expression of this concept in the Turkic languages of the Oguz group, it turns out that the interaction of the two sources is the meaning of objectivity noun. These sources are the meaning of the word-formation affix and the real-material value of the original basis.

Keywords: objectivity, Turkic languages of the Oguz group, comparative analysis, subject of knowledge, derivational affix, real-material meaning.

Джебраилов Губад Хейбат оглы

*Аспирант, Институт языкознания им. Насими
Национальной Академии Наук Азербайджана, г. Баку
gubad88@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается понятие предметности в логике, философии и языке. Понятия предметности имеет разные аспекты и определяется по-разному применительно к сферам человеческой деятельности. Исследуя средств выражения данного понятия в тюркских языках огузской группы, выясняется, что по взаимодействию двух источников складывается значение предметности существительного. Этими источниками являются значение словообразовательного аффикса и реально-вещественное значение исходной основы.

Ключевые слова: предметность, тюркские языки огузской группы, сравнительный анализ, предмет познания, словообразовательный аффикс, реально-вещественное значение.

Прошло немало времени с тех пор, когда на заре XX столетия язык был провозглашен не только средством, но и единственным подлинным объектом научного анализа. Построение научной теории языка — проект, реализация которого связана с наиболее актуальными вопросами современной научной практики, ибо это — прежде всего задача моделирования языковых информационных процессов, моделирование языка как средства хранения передачи и построения информации.

Философа языка интересует со стороны лексической структуры или формы, как так естественный язык никак не может удовлетворить требования безоговорочной правильности, избытия всякого рода двусмысленностями [11, 256–257].

Анализ языка является чисто научной деятельностью, так как в этом случае анализу подвергается точно фиксируемые языковые образования, а сам анализ проводится при помощи формально логических средств. В Западной традиции имеются две основные теории предметности Аристотеля и Канта. Остальные являются вариантами этих двух теорий. В понимании Аристотеля предметность находится на стычке двух событий. В понимании Канта предметность — это понятие. По Аристотелю все понятия могут быть сведены к ограниченному количеству категорий, в которых наиболее ярко воплощены принцип тождества мышления и бытия.

Поскольку Аристотель отождествляет знание и значение, поскольку в языке этот переход выглядит как метафорообразование, как перенесение слова с изменением значения с рода на вид [9, 62–64]. Стремясь познать единичное, мы удаляемся от него, ибо в движении от рода к виду мы отходим от истинных знаний и истинных значений, выражая сущность все более метафорическим образом.

Сравнительный анализ взглядов Аристотеля и Канта на аналогию сходных свойств и отношений между вещами исследуется путем сравнения. От философии Аристотеля и сравнительного анализа взглядов Канта на сущность понятия перейдем к рассмотрению двух течений в средневековой философии номинализма и реализма [12, 142–144].

Представители средневекового номинализма настаивали на том, что в действительности существуют только единицы вещи, чем свидетельствуют наши чувственные восприятия. Номиналисты, отождествляя понятие и слово, отдавали приоритет слову и тем самым растворяли знание в значении. Значение понималось ими не как феномен языка, а как чувствительный образ психики, обозначаемый посредством имен. Вследствие этого образная теория значения заменяла теорию познания. Нечто подобное в свое время имело место в рассуждениях греческих этимологов.

В образе значение и звук тесно связаны. Образы — значения одних и тех же предметов у разных народов могут быть разными. Этимология в понимании стоиков призвана вскрыть исходную связь между образом и прообразом. Античные и средневековые номиналисты, разрабатывая теорию как теорию представления, не признавали отражательной силы общих понятий.

Интерпретации универсалий не отражают объективную действительность, а только заменяют конкретные вещи этой действительности психическими образами различной степени яркости и определенности.

Более умеренные представители средневекового номинализма или по пути своеобразной градуировки чувственных образов, пытаясь отвести от себя упреки со стороны реалистов, которые подчас довольно остроумно потешались над крайностями номинализма.

В отличие от номиналистов проблема образования понятий не волновали реалистов. Реалисты интересовались не проблемой введения, а проблемой исключения абстракции. Новый этап в развитии теории абстракции связан с деятельностью представителей английского эмпиризма, одним из зачинателей которого стал Джон Локк.

Английский ученый, считая, что слова делаются общими благодаря своим знаковым функциям, а идеи становятся общими благодаря конкретным обстоятельствам, Д. Локк писал: «Будь мы в состоянии проследить слова до их источников, мы нашли бы, что названия, обозначающие вещи, не относящиеся к области наших чувств, во всех языках имели свое первое начало от чувственных идей» [18, 218–220].

Способности локковского эмпиризма и его теории абстракции рельефно выделили Джон Беркли и Дэвид Юм. Беркли правильно заметил, что номиналистическая теория абстракции предметов оказывается во многих путях уязвимой. Отбрасывание свойств при образовании абстракции все более высокого порядка приводит не к ценностному охвату изучаемой предметной области, а к ее дроблению, но не связанные между собой части [18, 251–252].

Кант был первым реформатором традиционных взглядов на образование понятий и структуры их функционирования. Он предложил взглянуть на данный вопрос под совершенно новым углом зрения. Кант писал: «Не мы, а предметы должны сообразовываться с нашими знаниями, зафиксированными в понятиях. В данном случае речь идет не о мистическом воздействии на вещи, а о принципиально новом видении задач и возможностей научного познания». Предмет познания для Кан-

та — это не произвольный предмет, привлекая к себе внимание человека. В теории Канта понятия рассматриваются как правила мышления, соответственно которым рассудок упорядочивает и связывает материал чувственного опыта. Понятия не являются результатом абстракции, а порождаются глубинными структурами интеллекта [12, 147–150].

Процесс порождения понятий начинается с категории. Категории развиваются в понятие под воздействием катализирующей силы опыта. Что касается определения категорий, то Кант в данном случае ничего конструктивного не предлагает.

У Гегеля понятие не отражает объективную действительность как нечто внешнее и неразумное, а находит себя в действительности согласно идеалистическому прочтению принципа тождества мышления и бытия. Смысл любого понятия заключается в его отношении ко всей системе, т.е. каждое понятие состоит из более или менее сложного ряда логических отношений. Поэтому ни одно понятие не может мыслиться и изолированно, и самостоятельно [18, 141–143].

С интересными идеями мы сталкиваемся в работах чешского ученого Б. Больцано, в трудах немецких ученых И.Г. Ламберта и Р.Г. Лотце. Б. Больцано, опережая свое время, утверждал, что логика не является наукой о мышлении, если под мышлением понимать процесс психических переживаний. Б. Больцано предлагал рассматривать логику, как логику научного понятия, связывая ее с языком науки. Противопоставляя свои взгляды психологическому эмпиризму в понимании «идеальных объектов сущности науки, Б. Больцано столкнулся с необходимостью коренной перестройки учения об образовании понятий. Определенный интерес представляет больцановская теория абстракции по вопросу о содержании в объеме понятий. Б. Больцано различает не объем и содержание понятий, а их содержание и предмет [11, 264–265].

Содержание — это сумма частей, образующих внутреннюю взаимосвязанную целостность понятия. Предмет — это то, на что неясно понятие (то, что имеется в виду, функция понятия).

Б. Больцано правильно отмечает, что увеличение объема понятия всегда приводит к уменьшению его содержания. Научное понятие в виде концепции сравнимо с текстом, а сами идеи находятся в композиционно сложной взаимосвязи.

По утверждению некоторых западных ученых, в имеющихся на сегодня работах отсутствуют ясные и общеприемлемые объяснения тождества свойств. Дискуссии

вокруг проблемы тождества имеют важные следствия для развития современной научной мысли. Полифункциональный строй любого понятия не принимается во внимание традиционной теорией абстракции. Традиционная теория абстракции берет признаки соответствующей предметной области посредством простого некритического суммирования. Понятие есть прежде всего понимание, осуществляющееся в рамках определенной смысловой композиции.

Понятие предметности имеет разные аспекты и определяется по-разному, применительно к отдельным сферам человеческой деятельности. Понимание предметности определяется следующим образом: предметность — то, чем данный объект является для людей, находящихся в процессе житейской, эстетической, научной, производственной, общественно-политической и другой деятельности. Для выяснения сущности категории предметности в чисто лингвистическом плане может и не нужно было останавливаться на интерпретации понятия предметности в логической семантике, если бы некоторые ее понятия не были перенесены в лингвистику, особенно в современных работах по семантике [4, 35–40; 5, 100–104].

В логической семантике под предметностью понимается объект, сопоставляемый при интерпретации языка, любому его выражению, выступающему в качестве предмета. Таким объектом может быть как вещь, так и мысль о вещи. Поэтому в логической семантике говорят о двух основных значениях предметности: экстенциональное значение (предмет или класс предметов, обозначаемых данным выражением и интенциональное значение смысл выражения [1, 104–108].

Аспекты изучения предметности настолько многообразны, а исследовательские подходы так многочисленны, что нет возможности, а может быть и необходимости останавливаться на каждом из них подробно. В целях ограничения предмета обсуждения целесообразно отметить два основных противостоящих друг другу подхода в изучении предметности — словоцентрический и текстоцентрический. При словоцентрическом исследовании предметности исходным является слово как номинативная единица и как элемент лексико-семантической системы языка.

Со становлением семасиологической науки в первой половине XX в. меняется и ее предмет: в центре внимания оказывается вопросы определения природы предметности как символической функции слова. Традиционному языкознанию этого периода было свойственно нереляционное понимание предметности, независимо от того выделяли ли исследователи в качестве главной предметную, логическую

или сугубо прагматическую основу предметности [1, 112–116].

В. В. Виноградов по данному вопросу писал, что значение слова определяется не только соответствием его самому понятию, которое выражается с помощью этого слова; оно зависит от свойств той части речи. Именно той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления [8, 94–96].

Такое определение, применимое к любому языку и отражающее специфику языковых условий формирования и существования значения слова в каждом конкретном языке, включает лексическое значение предметности в число языковых категорий. Значение предметности определяется 1) логико-предметным содержанием, 2) закономерностями и своеобразием грамматических средств, 3) соотносительными связями слова со всей семантической системой словаря.

Фердинанд де Соссюр был первым лингвистом, который последовательно и целенаправленно рассматривал систему языка, а не речь через призму репрезентации внешнего объективного мира языковыми единицами, считая при этом знаками только слова. Решая вопрос о природе языкового знака, Соссюр совершенно верно утверждал: «Языковой знак связывает не предмет и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является не материальным звучанием, вещь чисто физической, а психологическим впечатком звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств» [17, 95–97].

Предметность, как и другие понятия в языках, выражается с помощью слов. В тюркских языках огузской группы предметность выражается простыми корнями, сочетанием корней и аффиксов.

В тюркских языках огузской группы слово «почка» выражается существительными «бобрек» (туркменский язык); «бөврек» (турецкий язык); «бойрек» (Азербайджанский язык); «боврек» (гагаузский язык) [2, 31–40; 16, 23–24; 19, 112–114]. Это существительное с конкретным предметным значением образовано от древнетюркского глагола «боб». Слово бөврек-бөйрек является дериватом глагола «боб».

В тюркских языках огузской группы слово «гап» — «гав» (сосуд, посуда) имеет предметное значение и выражается корнем «гап». Кроме этого значения, слово «гап» — «гав» в тюркских языках огузской группы имеет значения, «мех», «бюрдюк», «мешок». Некоторые возможные варианты в печенегских именах-названиях от данного корня отмечал К. Г. Менгес [21, 273–274].

Слово «sal» (плот) с конкретным предметным значением в тюркских языках огузской группы выражен корнем. Этот синкретичный корень кроме предметного значения существительного, имеет еще несколько разных значений, выраженных глаголом.

А. Н. Баскаков, отмечая, что некоторые из глагольных корней сохранили еще следы слабой дифференциации с корнями имен и употребляются в современных языках как в глагольном, так и в именном значении наряду с общеизвестными примерами, иллюстрирующими это положение, типа «art» (спина) — «art» (навьючивать) «toy» (свадьба) — «той» (насыщаться) регистрирует и «сал» (плот) — «сал» (класть).

Итак, мы имеем глагольно-именную пару: общетюркское «класть», «положить», «поставить, воздвигнуть», «бросать», «кидать», «отбрасывать», «бить», «ударять», «пригонять», «сгонять», «прибывать», «махать», «размахивать», «назначать», «определять», «оценивать»; «плот», «плот из бурдюков», «гонщик леса», «доски», «деревянная доска», «рукоятка лука», «рукоятка, на которую прицеливаясь кладут стрелу». Здесь мы имеем дело именным коррелятом глагола «сал». «Сал» — очаг, место где раскладывается огонь [2, 112–114].

По мнению некоторых тюркологов, этот моносиллаб (в значении «плот» имеется в этнониме «селчик» / «селджик» — плотовщик, перевозчик на плоте / плотах) сал — плот + аффикс «чу» — лицо, производящее действие, профессия + к — аффикс уменьшительности; или сал + джик (аффикс уменьшительности. В современном турецком языке имеется слово «салчы» — строитель плотов [2, 112–114; 6, 18–26].

По мнению П. М. Мелиоранского, «сал» одно из переносных «значений глагола «сал» — «класть», «отпустить», «поставить» [10, 31–34]. В тюркских языках огузской группы имеется слово «сап». С конкретно-предметным значением «сап» — «ручка», «рукоятка», «черенок», «держатель», «древко», «шейка» (соринки), «нитка», «нитка для шитья», «моток», «сноп» и т.д. А. М. Щербак выделяет глагольно-именной архетип «сап» — нитка для шитья и «сап» — «вдевать нитку», «соединять».

В тюркских языках огузской группы имеется слово «ун» — мука. Это слово своих глагольных коррелятов не обнаруживает. Древнейшее его значение «размельченный», «крошка», «порошок» восстанавливается из древнетюркского значения. «Крошить», превратить в порошок», «унтаг» — «порошок», «крошка». Г. Вамбери считал это слово стяженной формой «un»-«um» (мука) — «овум», «огим» (крошить). Долгий гласный отмечен лишь в туркменском языке, это, возможно, является результатом иноязычного влияния.

Л. З. Будагов сближал общетюркское «ог» — «ов» непосредственно с «ун» — мука. Формы «унак» — «унан», по мнению некоторых ученых, есть результат контактирования «ун» — «мука» — «ун» — «размельченный, раздробленный». По мнению Э. В. Севортяна «иное» — «мелкий», «размолотый». Можно предположить историческую реальность глагола «ин», гомогенного ив/ов/уг, который также, как и корень «очиг», «овиг» на основании семасиологической коррелятивности связывается с древнетюркским «он» [15, 41–44].

В тюркских языках огузской группы также во всех тюркских языках имеется слово «ütü» (утюг). Это слово в форме «утюг» перешло в русский язык из тюркских языков. В русском языке имеются многочисленные дериваты этого слова: «утюг», «утюжить», «утюжение», «утюжок», «утюжка», «утюжник» и т.д.

В тюркских языках огузской группы имеется слово «ортма» (покрывало). Это слово имеет конкретно-предметное значение, образовано от глагола «ört» — (закрывать, покрывать) и словообразующего аффикса -ма.

В «Слове о полку Игореве» и «Задонщине» употребляется это слово в том же значении. Даже известный ученый-востоковед И. Н. Березин в своей рецензии на один из переводов данного памятника на современный русский язык отметил присутствие в его тексте таких тюркизмов, как жемчугъ, орьтъма, чага, япончица [3, 68–71].

В тюркских языках огузской группы имеются многочисленные слова, образованные от глагольных основ с помощью аффиксов -гы⁴, -аг², -ку², -га², -ов, -ы, лыг⁴, -лы⁴, -а², -ач, -ынч, -га², -ым, -ты⁴, -ынты⁴, -маг², -мыг⁴, ган², -ан², -уан², -гын⁴, -лан², -маг², -атаг², -саг², -лаг².

В тюркских языках огузской группы с помощью аффикса -аг² образуются существительные с конкретно-предметным значением от глагольных основ: «будаг» (ветка) — «буда» (отрезать), «ораг» (серп) — от «ога» (жать), «ишыг» (луг) — от «иши» (сиять), «галаг» (груда, сугроб) — от «гала» (наваливать).

В некоторых языках огузской группы, например в туркменском, производные на (а) г/к — (-аг, -ак) образованы от вторичных глагольных основ. Безотносительно к количеству подобных случаев, они все же позволяют признать, что в некоторых языках словообразовательная модель с показателем -аг, -ак сравнительно недавно была продуктивной. В связи с приведенными данными из разных тюркских языков огузской группы нужно заметить, что Л. Дени сомневался в возможности возведения целого ряда существительных с предметным значением на -ыг, -аг к соответствующим глаголам. Он писал: «Трудно было бы допустить, что глагол «буда-

мак» (подрезать ветви) древнее слова «будак» (ветвь). Он является последующим или, по крайней мере, синхронным по отношению к существительному «будак» (ветвь) [20, 142–144].

В тюркских языках огузской группы значение предметности существительного складывается из взаимодействия значения словообразовательного аффикса и реально-вещественного значения исходной основы. Для формирования семантики производного слова нужно определить лексические разряды. Обычно они бывают разными в зависимости от того, какой словообразовательный аффикс и в каком значении применяется для создания производного слова.

Подводя итоги по данному исследованию, можно отметить следующие выводы:

В образе значения и звук тесны связаны. Образы — значения одних и тех же предметов у разных народов

могут быть разными. Предметность призвана вскрыть исходную связь между образом и праобразом.

Интерпретации универсалий не отражают объективную действительность, а только заменяют конкретные вещи этой действительности психологическими образами различной степени яркости и определенности.

Предмет — это то, на что насажено понятие (то, что имеется в виду, функция понятия).

Традиционная теория абстракции берет признаки соответствующей предметной области посредством простого некритического суммирования. Понятие — есть прежде всего понимание, осуществляющиеся в рамках определенной смысловой композиции.

В тюркских языках огузской группы предметность выражается простыми корнями, сочетаниями корней и аффиксов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений. Москва: Языки славянской культуры, 2005. — 367 с.
2. Баскаков Н. А. Тюркские языки. Москва, 1958, 242 с.
3. Березин И. Н. Игорь, князь северский. / Перевод Николая Гербеля. II. Москвитянин, 1854, т. 6, № 22, отд. 4, стр. 68–71.
4. Грамматика туркменского языка. Фонетика и морфология. Ашхабад: Наука, 1970, 340 с.
5. Гузев В. Г. Староосманский язык. М.: Наука, 1979, 95 с.
6. Гузев Ж. М. Семантический способ словообразования в тюркских языках; Нальчик: Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009, 235 с.
7. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956, 569 с.
8. Кузнецова Л. Н., Ворожбитова А. А. В. В. Виноградов как профессиональная языковая личность ученого-филолога: лингвориторический аспект: (на материале текстов о языке и стиле русских писателей). Сочи: РИЦ ФГБОУ ВО СГУ, 2017, 168 с.
9. Материалисты древней Греции. Акад. наук СССР. Ин-т философии. Москва: Госполитиздат, 1955, 239 с.
10. Мелиоранский П. М. Араб филолог о турецком языке, СПб., 1900, 297 с.
11. Основы философии науки в схемах и комментариях. Ханты-Мансийск: Печатный мир. Ханты-Мансийск, 2012, 293 с.
12. Философия И. Канта (история и современность): сб. науч. тр Омск: Изд-во ОмГУ, 2006, 330 с.
13. Мизиев А. М. Проблемы лексикализации различных типов сочетаний слов в тюркских языках; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Кабардино-балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова». Нальчик, 2012, 149 с.
14. Поцелуевский А. П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943, 100 с.
15. Севортян Э. В. К семантической природе существительного в тюркских языках. Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана. Нальчик, 1963, стр. 41–44.
16. Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Изд. 3-е. — Москва: URSS ЛИБРОКОМ, 2010, 299 с.
17. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики = Cours de linguistique générale. 3-е изд., стер. Москва: URSS, 2006, 271 с.
18. Энциклопедия философских наук. т. I, Москва, 1974, 695 с.
19. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). М., 1970, 191 с.
20. Deny L. Grammaire de la langue (dialekte osmanli), Paris, 1957. 200 p.
21. Menges K. H. Etymological notes, on come paçanag names — Burantion, 1944, vol. XVII, p. 273–274.

© Джебраилов Губад Хейбат оглы (gubad88@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»